Услышав последнюю фразу, чиновники пришли в недоумение. Этот стих появился в столице этой весной, давно уже облетел всю Поднебесную, и кроме странного названия «Янцзы», все поэты полагали, что в этом стихе придраться больше не к чему. Но квинтэссенция смысла была действительно в последних четырёх строках. Непонятно, к чему это клонил Чжуан Мохань.

И тут Чжуан Мохань хладнокровно продолжил:

— Я сказал, что первые четыре строки хороши, не потому, что последние четыре плохие, а потому, что последние четыре написал не Фань Сянь.

Как только эти слова прозвучали, в зале поднялся шум, а затем сразу же повисла мёртвая тишина, и никто не смел и рта раскрыть.

Фань Сянь притворно изумился: многие вещи внезапно стали ему понятны и постепенно он успокоился. Пьяно навалившись на стол, он посмотрел на Чжуан Моханя и широко улыбнулся.

Несколько месяцев назад Линь Вань’эр говорила, что во дворце ходят слухи, будто эти стихи — плагиат, но тогда ему было всё равно. Он не ожидал, что сегодня это вдруг всплывёт. Го Баокунь поднял эту тему, явно получив подсказку от некого высокопоставленного лица.

После того, как Фань Сянь прибыл в столицу, единственное, что он сделал стоящего, это заслужил репутацию талантливого поэта. И если кто-то сможет разрушить эту репутацию, то в мире, где ценится литературная добродетель, ему придётся по своей инициативе отменить свадьбу.

Услышав, что Чжуан Мохань упомянул только последние четыре строки, Фань Сянь почувствовал на сердце спокойствие. Похоже, господин Чжуан по-прежнему не знал, что Янцзы это «Великая река». Фань Сянь тогда понял, что то, чего он больше всего опасался, так и не случилось. Если Чжуан Мохань захочет представить доказательства плагиата, то ему придётся опираться на собственную эрудицию и доброе имя, и только.

Лишь непонятно, каким образом старшей принцессе удалось привлечь на свою сторону такого выдающегося литератора, как Чжуан Мохань, и убедить его приехать за тысячу вёрст, чтобы сделать подлость.

***

Прошло довольно-таки много времени.

Император нахмурился: обвинение в плагиате — это очень серьёзное заявление. Если бы у Чжуан Моханя не было доказательств, он бы не посмел в высочайшем присутствии в государстве Цин говорить столь безответственно.

— Бездоказательно, — ответил с улыбкой сидящий рядом с Фань Сянем шилан министерства церемоний Чжан Цзыцянь, а потом продолжил: — Господин Чжуан Мохань — гений нашего времени. Я сам в юности тоже часто прилежно изучал его комментарии к классическим канонам. Во всей Поднебесной, разумеется, никто не посмеет усомниться в его словах. Однако дело касается плагиата. Не может ли быть так, что господина обманули какие-нибудь негодяи.

Он кинул взгляд на сына своего непосредственного начальника, Го Баокуня, вовсе не опасаясь показать, кто же тот негодяй, о котором он говорил.

Чжуан Мохань поднял голову, и в его сияющем мудростью взгляде отразилось небольшое затруднение:

— Последние четыре строки этого стихотворения когда-то во время путешествия по Тинчжоу сочинил мой учитель. Поскольку это последняя предсмертная работа моего учителя, то я много лет бережно хранил её в сердце. Однако не представляю по какому непредсказуемому стечению обстоятельств этот текст попал к молодому господину Фаню. Изначально, поняв, что жемчужина, затерявшаяся в грязи, снова увидела свет, я подумал, что это не плохо. Только вот молодой господин Фань благодаря этому заполучил громкое имя, и этого я не могу принять. Учёный должен дорожить своими нравственными качествами, а его сочинения должны отражать конечную истину. Я больше всего люблю таланты и не желал скоропалительно раскрывать неприглядную сторону этого дела. Изначально я приехал в государство Цин, чтобы посмотреть, что за человек молодой господин Фань. Не ожидал, что он окажется настолько бесстыжим и без всякой тени раскаяния ещё больше преуспеет.

Фань Сянь чуть не прыснул от смеха, думая: «Вот же бессовестный!», однако соседям его было не смешно, атмосфера в зале уже стала совершенно подавленной. Если это дело окажется правдой, не говоря уже о том, что Фань Сянь с сего дня утратит возможность попасть в литературные круги, но даже весь двор государства Цин полностью ударит лицом в грязь.

Все учёные поднебесной очень ценили написанные Чжуан Моханем за всю жизнь произведения о морали и нравственности и никак не могли позволить себе усомниться в его словах. А тем более Чжуан Мохань сказал, что стихотворение написано его учителем, и с точки зрения учёных Поднебесной, очень уважающих учителей, если кто-то приводит имя своего учителя в качестве доказательства, то кто осмелится сомневаться.

Так все чиновники были уже убеждены, что это стихотворение Фань Сяня — плагиат. И в направленных на него взглядах появилось удивление и отвращение, но показать это открыто они не могли, всё-таки дело касалось репутации императорского двора государства Цин. Поэтому император холодно посмотрел на верховного наставника Павильона Литературной глубины, Шу У. После краткого замешательства верховный наставник Шу У с трудом поднялся на ноги и первым делом поклонился Чжуан Моханю:

— Приветствую учителя.

Этот верховный наставник Шу, обучаясь за границей в Северной Ци, получал наставления у

Чжуан Моханя, поэтому и приветствовал его как учителя. В этот раз он сразу поверил словам Чжуан Моханя. Фань Сянь, должно быть, действительно совершил плагиат, но под строгим взглядом императора у него не было выбора, кроме как подняться с места и заступиться за Фань Сяня:

— Учитель, молодой господин Фань несомненно обладает талантом поэта, об этом свидетельствуют хотя бы те строки, что он сочинил сегодня на пиру, они тоже впечатляющи до предела. Если говорить о том, что он что-то сплагиатил, то заставить людей поверить в это достаточно сложно, более того, возможно, в этом нет необходимости.

В это время Чжуан Мохань уже сел. Он пару раз кашлянул и мягко ответил:

— Шу У, неужели ты думаешь, что я решил воспользоваться своим авторитетом, чтобы кого-то очернить?

С верховного наставника Шу градом полился пот, он не смел идти против своей школы, но и холодный взгляд императора не оставлял пространства для манёвра, поэтому он просто замолк и сел на место. Ведь если бы он и дальше стал подвергать сомнению слова Чжуан Моханя, то это всё равно, что заявить о том, насколько же у Чжуан Моханя бесстыжий ученик, не чтущий ни отца, ни учителя. Да и кто бы осмелился так опозорить себя.

Однако император не был простым книжником, не был благородной супругой Шу, не был вдовствующей императрицей, и ему вообще не нравился этот Чжуан Мохань, поэтому он ледяным тоном произнёс:

— Государство Цин опирается на законы, и этим оно отличается от слабой Северной Ци. Господин Чжуан, если вы обвиняете кого-то в преступлении, то будьте добры предоставить доказательства.

Все чиновники услышали гнев в голосе императора. Если вдруг Чжуан Мохань действительно сможет доказать, что Фань Сянь совершил плагиат, то в будущем Фань Сяню станет очень сложно вновь завоевать уважение.

Чжуан Мохань улыбнулся и попросил сопровождающего подать ему бумажный свиток:

— Это написал мой учитель собственной рукой. Если на это посмотрит знающий человек, то сразу узнает эпоху, когда это было написано.

Он посмотрел на Фань Сяня и с сочувствием произнёс:

— У господина Фаня действительно стихотворный талант, но желание прыгнуть выше головы слишком заметно, ему не известно, что стихи — это голос сердца, мог ли молодой господин Фань с его жизненным опытом породить последние четыре строки?

В зале сейчас слышался лишь старческий голос Чжуан Моханя, который очень убедительно разъяснил стих:

— «За сто тысяч ли от родимого края, в душе исполняясь тоски» — откуда такая тоска? «Изгнанник, испивший от чаши страданий, на гору всхожу я один» — учитель и правда в последние годы жизни в одиночку совершал восхождение на гору. Эти бурно текущие речные воды, как перед глазами стоящий холод… Господин Фань настолько молод, не знаю, как в его случае объяснить «чашу страданий»?

Чем больше говорил Чжуань Мохань, тем больше всем казалось, что такой стих точно никак не мог написать молодой человек. Снова все услышали, как раздался спокойный голос Чжуан Моханя:

— «Как иней в висках седина» говорит о том, что человек уже в летах, а у господина Фаня волосы черны как смоль, с трудом можно объяснить такие горести в юности.

***

И наконец Чжуан Мохань дошёл до главного:

— Что же касается последней строки об отречении от вина и упомянутой ранее бедности, то сейчас не будем говорить о блестящем происхождении молодого господина Фаня, который точно не жил в бедности, но вот «отречься от чарки вина», думаю, что молодой господин Фань до сих пор не понимает, почему мой учитель использовал такой оборот. — Он посмотрел на Фань Сяня, в его глазах промелькнула тень сомнения, но он решился: — В последние годы учитель страдал от болезни лёгких и не мог пить вино, поэтому и использовал слово «отречься».

Как только он это сказал, чиновники государства Цин остались без всякого желания спорить, дополнительные доказательства им уже и не требовались, достаточно было этих вопросов, которые невозможно было разрешить. После этого Фань Сяню было уже исключительно сложно избежать клейма плагиатора.

И в этот миг в повисшей в зале тишине раздался звук аплодисментов!

Всё это время словно бы пьяный пролежавший грудью на столе Фань Сянь внезапно выпрямился. С лёгкой улыбкой он посмотрел на Чжуан Моханя, медленно хлопая в ладоши. В душе он чувствовал некоторое восхищение: конечно же, никто не знал, кто был учителем этого господина Чжуана, но он смог, опираясь на стихи, правильно определить ситуацию и жизненные обстоятельства истинного автора стиха, Ду Фу, страдающего от болезни и действительно заслуживающего быть лучшим поэтом своего времени в том мире.

Но Фань Сянь знал, что сегодня всё это говорилось только с одной целью — погубить его репутацию, а тот бумажный свиток, скорее всего, заранее заготовленная подделка, поэтому его

восхищение было не слишком глубоким. На его чистом красивом лице появилось выражение человека, готового на крайности, пьяно улыбнувшись, он сказал:

— Сегодня господин Чжуан не постеснялся осрамить даже своего учителя. Даже не знаю, что заставило господина пренебречь своим добрым именем.

Людям вокруг казалось, что Фань Сянь просто начал буянить после того, как его дурной поступок выплыл наружу, поэтому все были не в силах что-то сказать и только хмурились. Императрица уже тихим голосом дала распоряжение позвать в зал стражников, чтобы избежать проблем, если Фань Сянь захочет что-то выкинуть. Но неожиданно император холодно взмахнул рукой и этим жестом повелел собравшимся выслушать Фань Сяня.

Выйдя из-за стола неровным шагом с забавным выражением на лице, Фань Сянь громко потребовал:

— Вина мне!

Дворцовые служанки на заднем плане, видя, насколько обезумевшее у него выражение на лице, не смели выйти вперёд. Кто-то из высокопоставленных чиновников всё это время думая, что всё это очень несправедливо по отношению к Фань Сяню, принёс ему кувшин вина приблизительно на два цзиня*.

— Спасибо! — рассмеялся Фань Сянь и, сломав запечатывавшую кувшин глину, поднял кувшин, чтобы испить вина, словно кит, всасывающий море. Не прошло и минуты, как он вылакал весь кувшин и пьяно рыгнул. Хмель взыграл, он сегодня и до этого успел очень много выпить, а теперь вино разогнало кровь, лицо покраснело, глаза влажно засверкали, а тело постоянно качало из стороны в сторону.

Словно в танце, раскачиваясь и пытаясь сохранить баланс, он вышел к главным столам, там он указал на Чжуан Моханя и сказал:

— Уважаемый господин, вы в самом деле настаиваете на своих словах?

В нос Чжуан Моханя ударил резкий запах вина, он нахмурился и сказал:

— Коли молодой господин расскаивается, то и хорошо, зачем же так упиваться?

Фань Сянь посмотрел ему в глаза, слегка улыбнулся и выговорил слегка заплетающимся языком:

— В мире смертных есть причина и есть следствие, Чжуан Мохань указал, что я присвоил себе авторство четырёх строк его покойного учителя, но мне не понятно, по какой причине я бы захотел так поступить? Неужели хотя бы сегодняшними короткими песнями я бы не смог

заполучить себе славу при жизни и после смерти?

Фраза «слава при жизни и после смерти» звучала отлично, она даже немного тронула Чжуан Моханя. Но его сердце было крепко связано важным делом, он был вынужден сегодня в ущерб чистоте помыслов, которую он хранил всю жизнь, специально строить козни этому молодому человеку. И уже не выдержав, он медленно отвернулся и без выражения сказал:

— Возможно, эти стихи молодой господин Фань тоже сплагиатил.

— Сплагиатил у кого? Неужели каждый раз, когда я сочиняю стих, я плагиачу? Неужели из-за того, что у господина Чжуана множество учеников по всей Поднебесной и он знает все стихи во вселенной так, что может определить наверняка, сочинил я стих или это плагиат?

Видя, как пальцы Чжуан Моханя легонько барабанят о свиток на столе, Фань Сянь холодно усмехнулся.

— Уважаемый господин Чжуан, такими уловками вы ещё могли бы одурачить ребёнка. Говорите, что я сплагиатил стихи вашего учителя, но тогда вот что странно, почему до того, как я написал этот стих, никто в мире никогда не слышал о нём?

Похоже, Чжуан Мохань не желал ввязываться в спор с ним, но Фань Сянь тихо шепнул ему:

— Вы сказали, что у меня нет седины, поэтому я не могу говорить про седину как иней на висках, что если я здоров, не могу писать про болезни, но вы не знаете, что я обычно больше всего люблю скандалить. В этой жизни мы с вами не пересекались, а вы, не зная моего прошлого, решили оклеветать и навредить мне, какое разочарование.

Непонятно, то ли Фань Сянь действительно перебрал, а может, ему вдруг представился редкий шанс излить долго копившуюся в душе тоску, но на его изящном лице внезапно показалось совершенно безумное выражение.

— Стих — это голос сердца, — мягко сказал Чжуан Мохань, смотря на него: — Мой друг, если вы это не пережили, то как вы можете написать об этом в стихах?

— Стих — это Дао слова, — холодно ответил ему Фань Сянь, смотря в упор. — На пути стихосложения всегда серьёзно относились к гениям. Возможно, тоску в моих стихах сложно объяснить, но кто сказал, что если сам не испытал, то не можешь вложить это в свои стихи?

Эти его слова были в высшей степени самоуверенными, он приравнял себя к гению и под этим предлогом опроверг все доводы Чжуан Моханя, как будто их и не существовало вовсе.

Услышав такой вопрос, Чжуан Мохань нахмурился. Горько усмехнувшись, он сказал:

— Неужели молодой господин Фань может в любое время в любом месте написать стихи о том, что к нему никогда не имело никакого отношения? — понятно, что старый литератор не мог в такое поверить. Пусть перед ним и гениальный поэт, но даже такие люди не обладают подобными способностями.

Видя, как оппонент клюнул на его удочку, Фань Сянь немного улыбнулся, а потом бесцеремонно взял у него со стола кувшин с вином и отхлебнул, молча смотря на старика. Взгляд Фань Сяня стал ещё более хмельным, потом он вдруг взмахнул рукавом и громко воскликнул:

— Бумагу! Чернила! Людей!

Три пьяных возгласа привели присутствующих в недоумение, и только император хладнокровно отдал распоряжение дворцовым служанкам выполнить все указания Фань Сяня. Через минуту всё уже было готово.

В зале специально освободили место, где поставили стол с тушечницей. Фань Сянь в гордом одиночестве стоял рядом.

Нетвёрдо держась на ногах, он поклонился императору:

— Прошу дозволения воспользоваться евнухами, чтобы они вели записи.

Хотя император ещё не понял, что тот задумал, но немного сжал зубы и всё ещё позволил. Владеющий письмом евнух сел за стол с тушечницей, разложил бумагу, растёр тушь. Неожиданно Фань Сянь, преодолевая хмель, покачал головой и заявил:

— Одного не достаточно.

— Фань Сянь, что ты несёшь? — не выдержал находившийся не так далеко от него наследный принц. Но император снова и бровью не повёл, удовлетворив его просьбу. Во взгляде императора медленно начала проявляться улыбка: похоже, он наконец-то догадался, что сейчас произойдёт.

Фань Сянь с лёгкой улыбкой бросил совсем захмелевший взгляд на Чжуан Моханя, а потом сказал троим евнухам, сидевшим наготове за столами:

— Я говорю, а вы записываете. Если не успеете записать, то я повторять уже никогда не буду.

Три евнуха немного занервничали. Теперь уже очень многие поняли, что собирается делать Фань Сянь, как он хочет заставить людей понять, выслушав его и Чжуан Моханя, кто из них гениальный поэт современности. Ночь только вступила в свои права, летний ночной ветерок не особо освежал, но атмосфера в зале медленно становилась похожа на атмосферу на поле боя,

где того и гляди начнёт звучать барабанная дробь наступления.

***

— …огонь не в силах до конца сжечь траву, весенние ветры снова подарят ей жизнь (1)… буйство цветов, насколько хватает глаз, и лошадиного копыта след едва покрыла нежная трава (2)…Даже тому, что вечно, как небо, и постоянно, как земля, однажды придёт конец, лишь это безмерное сожаление никогда не закончится (3).

Без всякого предупреждения или подготовки Фань Сянь, не задумываясь, выдал более десяти стихов разной длины, написанных Бо Цзюйи. Он стоял рядом со столами писарей, его взгляд был направлен в сгустившуюся ночь за дверями зала, и он непрерывно нараспев декламировал стихи, так чётко отпечатавшиеся у него в памяти. Несколько евнухов лихорадочно строчили иероглифы, пытаясь угнаться и записывая вслед за ним, едва-едва поспевая.

Собравшиеся молчали и внимательно вслушивались.

Сталкиваясь с постоянными заговорами и интригами, всё это время он испытывал огромное давление, а теперь его наконец прорвало, в порыве неистовства он заботился лишь о том, чтобы зачесть вслух все стихи, хранящиеся в его памяти. Ему не было никакого дела, успевают ли евнухи записывать за ним и понимают ли что-нибудь из сказанного окружающие. Эти благоухающие сочинения из его прошлого мира, срывающиеся с его губ, непрерывно эхом отдавались в торжественном зале.

Взгляд Чжуан Моханя постепенно стал удивительным образом изменяться.

А чиновники, изначально собиравшиеся повеселиться, созерцая любопытное зрелище, наконец не выдержали и начали сомневаться в своём сердце: эти стихи они никогда не слышали, но один стих был замечательнее другого, неужели… они все написаны молодым господином Фанем?

— Темнеют небеса, скоро пойдёт снег, придёшь ли ты в мою скромную обитель испить со мной самодельного вина? (4) — Это Бо Цзюйи пьёт вино.

— Неужели вы не видите (5)… — дальше настала очередь Ли Бо пить вино.

— С луной и тенью втроём (6)… — снова Ли Бо пьёт вино.

— Лишь бы дали гостю пить вина (7)… — всё так же Ли Бо пьёт вино.

— Вчерашний день уже далече, его уже не вернёшь, а сегодня в сердце смута, бесконечно мучает меня (8)… — здесь Ли Бо уже напился допьяна.

***

Не желая навлечь на себя недовольство государя, присутствующие в зале постепенно стали занимать места вокруг Фань Сяня, неотрывно слушая, как из его рта продолжали один за другим литься стихи. На лицах людей было написано потрясение и невозможность поверить в происходящее. Каковы эти стихи, люди могли оценить по достоинству. В мире столько чудесных талантов, но с древних времён и до сих пор точно ещё не случалось ничего подобного.

Кто из них раньше не видел, как сочиняются стихи, но никто ещё не видел, чтобы их сочиняли так, как Фань Сянь сегодня! Слагать стихи это точно не перекидывать капусту на рынке, но изо рта Фань Сяня стихи фонтанировали нескончаемым потоком, ему совершенно не требовалось время на размышления, чем же это отличается от перекидывания капусты?

Хотя в этих стихах встречались странные слова, потому что здешние чиновники не знали классических канонов прежнего мира Фань Сяня, но они и без того были в ужасе: эти стихи… каждый как на подбор оказались превосходны!

Фань Сянь по-прежнему не останавливался. Взгляды чиновников, направленные на Фань Сяня, начали приобретать странное выражение. Им стало казаться, что молодой человек с тонкими и чистыми чертами лица вовсе не принадлежит миру смертных, а скорее небожитель, сошедший в этот мир. Несмотря на страх, давно опомнившиеся учёные из Павильона Литературной глубины пришли на смену евнухам, у которых уже не выдерживала писать рука, и, склонив головы, начали быстро записывать непрерывно звучащие стихи, ведь молодой господин Фань заранее предупредил, что повторять он ничего никогда не будет.

Фань Сянь не следил за тем, что происходило вокруг, он лишь прикрыл глаза и сосредоточил разум на том, чтобы как можно быстрее рассказать то, что хранилось в памяти, при этом он не только припоминал стихи, но успевал ещё подумать о том, что будет делать дальше. Если бы чиновники узнали, что пока он читает стихи, у него хватает умственных сил, чтобы обдумывать ещё что-то, то они наверняка бы изумились ещё сильнее.

Фань Сянь ощутил, что горло несколько пересохло, и протянул руку в пустоту рядом, сразу же догадливый учитель из Тайсюэ появился, чтобы подать ему вина, и осторожно вложил ему в руку сосуд с вином, боясь, как бы не помешать и не повлиять на переживаемые при сложении стихов эмоции.

От древнейшей Книги песен и «Будешь супругу ты доброй, согласной женой» до мрачного Гун Цзычженя (9), яркий лунный свет в стихах династии Тан, весенние реки и леса стихов династии Сун, лачуга, приютившая Ду Фу (10), рыба на пару, которую готовил Су Ши (11), хождение к проституткам Ду Му (12), походы к проституткам Мэй Яочэня (13), как многое повидавший в жизни Юань Чжэнь (14) содержал любовницу, как Ли Цинчжао (15) бесконечно вспоминает о юности, как Оуян Сю (16) порочно влюбился в племянницу (но это было сфабрикованное недоказанное дело), — всё это звучало сегодня в зале.

С закрытыми глазами Фань Сянь делал один глоток вина, а после «сочинял» один стих. Выпил три кувшина вина, выдал триста стихотворений!

В торжественном зале, словно танец тени и света, мелькали образы, которые Фань Сянь мог чётко рассмотреть, только прикрыв глаза. Это были поэты из прошлого мира: учителя и ученики, слушавшие песни в тихом шёпоте бамбуковых зарослей, обнажающие душу на кровати, радающиеся поветрию великого Дао в беседках, проливающие слёзы на берегу реки.

Это всё из прошлого мира, всё из прошлого мира Фань Сяня в такой неожиданной манере обрушилось на этот мир в государстве Цин, что ошеломило сердца всех присутствующих. Фань Сянь при помощи бесчисленных заслуженных поэтов прошлого из его мира сражался в написании стихов с Чжуан Моханем.

Внезапно он открыл глаза и холодно посмотрел на Чжуан Моханя таким взглядом, словно из какого-то другого очень далёкого мира.

— Неужели вы не видите, воды Хуанхэ спускаются с небес (17). — Кто мог быть ещё более непринуждённым, чем Ли Бо?

— Волна смыла всё, тысячи лет отходили в вечность истинные герои (18). — Кто мог быть ещё более дерзновенным, чем Су Ши?

— Вчера ночью шёл редкий дождь, дул шквальный ветер, я проспала всю ночь напролёт, но до сих пор ещё пьяна. — Кто мог быть ещё более деликатной, чем Ли Цинчжао (15)?

Разве мог один человек противостоять великим шедеврам древности?

***

Раздался звонкий стук — это дрожащая рука Чжуан Моханя не удержала рюмку с вином, и она упала на каменный пол, разлетевшись на множество осколков.

Сразу повисла полная тишина.

Неизвестно, сколько же времени длилось безумное выступление Фань Сяня. Однако люди в зале ещё какое-то время никак не могли отойти от потрясения, за столами с бумагой и тушью уже несколько раз сменяли друг друга писчие евнухи и учёные. Сначала именно они опомнились, плюхнулись на пол и принялись гладить свои перетруженные правые руки, одновременно не отрывая восторженного взгляда от Фань Сяня.

Фань Сянь пьяной, шаткой походкой приблизился к Чжуан Моханю, указал на него пальцем, покачнулся, рыгнул и тихо сказал:

— Комментируешь каноны ты, конечно, лучше, чем я. Но стихи писать я умею лучше тебя.

В зале всё ещё стояла полная тишина, поэтому хотя эти слова были сказаны очень тихо, но все собравшиеся чётко услышали их. В тот же миг все чиновники поверили в эти слова, они уже давно успели понять, насколько божественным талантом является молодой господин Фань в области стихосложения. Каким бы авторитетом ни обладал Чжуан Мохань, но если говорить о стихотворном Дао, то всякий, кто своими ушами слышал, как Фань Сянь продекламировал триста стихотворений, теперь ни за что не поверит, что кто-то может превзойти Фань Сяня в плане стихосложения.

Что уж говорить о каком-то там плагиате? Присутствующие давно уже поверили в сказанное Фань Сянем: в этом мире есть такие таланты, которым не обязательно на личном опыте испытывать то, про что они могут написать гениальные стихи. Произошедшее только что разве не доказывало это? Разве равный небожителям стихотворец станет прибегать к уловкам? Какой же там, мать его, плагиат?

Раз никто из людей не верил, что обладающий божественным талантом Фань Сянь совершил плагиат, то, конечно, это означало, что Чжуан Мохань соврал. Теперь в направленных на Чжуан Моханя взглядах читалось разочарование, сочувствие, презрение. Люди думали про себя, что этот выдающийся человек целой эпохи, полжизни зарабатывавший себе имя, внезапно на старости лет утратил добродетель и погнался за славой молодого поколения.

Чжуан Мохань посмотрел на Фань Сяня, словно на монстра, в его глазах показалась тоска, и по непонятной причине его грудь вдруг сдавило. Белоснежным рукавом он прикрыл рот и закашлялся кровью.

Сдерживая улыбку, император посмотрел на Фань Сяня и сказал:

— У тебя такой небывалый талант, почему же ты не проявлял его в полной мере раньше?

Фань Сянь, сдерживая хмель, посмотрел на императора в ответ и сказал:

— Стихи нужны, чтобы развивать высокие моральные качества, а не чтобы сражаться и соперничать.

Эти слова звучали немного бесстыдно, ведь сегодня ночью разве не для этого он использовал стихи? Наконец, обуреваемый винными парами, Фань Сянь плюхнулся на ступеньки, ведущие к трону, и, скосив взгляд в сторону Чжуан Моханя, чьи губы дрожали, пробормотал:

— Я пьян и хочу спать, а вы сами найдите выход (19) и отправляйтесь на три буквы!

Напоследок выдав последнюю цитату из стиха Ли Бо, Фань Сянь прямо у ног государя заснул пьяным сном.

---

*цзинь - китайская мера веса, равная полкило.

(1-4) Строки из разных очень известных стихов поэта эпохи Тан – Бо Цзюйи (772-846гг).

(5-8, 17) Строки из разных очень известных стихов поэта эпохи династии Тан Ли Бо (Ли Бай)

(9) Гун Цзычэнь (1792-1841) мыслитель и писатель времён династии Цин.

(10) Ду Фу – поэт династии Тан, современник Ли Бо, (712-770)

(11, 18) Су Ши (1037-1101) поэт, художник, каллиграф, государственный деятель эпохи Сун.

(12) Ду Му (803-852) поэт периода заката Танской империи.

(13) Мэй Яочэнь (1002-1060) поэт, историк и гос. служащий времён эпохи Сун.

(14) Юань Чжэнь (779-831) писатель и поэт эпохи Тан.

(15) Ли Цинчжао (1084-1151) поэтесса времён династии Сун.

(16) Оуян Сю (1007-1072), китайский государственный деятель, историограф, эссеист и поэт.

(19) Слегка изменённая цитата из стиха Ли Бо.

http://tl.rulate.ru/book/96718/1887179